Территориальная трансформация прибрежных поселений и их окрестностей[1]

М.В. Рогова

Рогова Марина Владимировна, кандидат географических наук, младший научный сотрудник Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН. 664033 Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1. E-mail: rogova@irigs.irk.ru

В статье представлены процессы преобразования пространства села в результате воздействия развития туризма и рекреации. Туристические объекты, расположенные, как правило, на землях одной из двух категорий — земель сельскохозяйственного назначения или земель населенных пунктов, тяготеют к периферии сельских сообществ, их возвышенным или прибрежным участкам. Фактически на наиболее привлекательных участках побережья озера Байкал на территории сельских сообществ и за их пределами происходит формирование новых территориальных структур — поселений коттеджного типа. Наряду с увеличением числа объектов застройки на периферии отмечается и обратный процесс — рост неоптимизированного пространства внутри поселений — заброшенных домов или домов, выставленных на продажу из-за отъезда молодежи в город, роста трудовой миграции населения. В статье изложены результаты наблюдений за процессами преобразования географического и культурного ландшафта села и роста его институциональных и экологических проблем. На территориях, предназначенных для сельского хозяйства, строятся турбазы и рекреационные объекты, тем самым возможности многоукладной сельской экономики фактически сужаются до единого вектора рекреационного развития территорий. В связи с этим отмечается трансформация восприятия данной проблемы сельскими жителями. Если раньше прием и размещение гостей составлял лишь одну из практик выживания в общей канве многоукладной системы как один из элементов стратегии заработка, то сейчас формирование прослойки предпринимателей со своими рекреационными задачами не вписывается в существующую систему ценностей. Это уже не составная часть сельской экономики, это бизнес коммерческого контингента, конкурирующего с сельским населением. Кроме того, турбазы, отстроенные на территориях сельскохозяйственного назначения, являются объектом институциональных издержек, той коррумпированной системы земельных отношений, в которые вступили органы власти различного уровня. В статье использованы материалы полевых исследований в сельских сообществах Прибайкалья в 2005–2007 и 2011–2018 годах.

Ключевые слова: самозахват, новые территориальные структуры, многоукладная сельская экономика, трансформация села, туризм и рекреация

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-130-140

---

1. Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-45-030039 «Постагрогенные степные ландшафты Республики Бурятия: потенциал, поиск компромиссов между сельскохозяйственным развитием и функционированием экосистем, социально-экономические и экологические последствия использования».

Данные визуального наблюдения, фото— и видеосъемки местности вокруг озера Байкал демонстрируют образование на побережье фактически новых форм территориальных структур линейного типа. В теоретической географии это явление изучается в рамках концепции развития агломераций. Описание самих территориальных структур, их форм и соотношения восходит к традиции «теории изолированного государства» И.Г. Тюнена, а позднее — к пространственной теории организации хозяйства А. Лёша (Лёш, 1959). Модели объектов и явлений территориальных структур, включая особо охраняемые природные территории, подробно исследовали в своих работах Б.Б. Родоман (Родоман, 2002; 2007), В.Л. Каганский (Каганский, 2012б), А.И. Трейвиш (Трейвиш, 2017). Данное исследование не ставит задачей изучение территориальных структур самих по себе, а нацелено лишь на анализ тех условий и факторов, под влиянием которых происходит формирование этих структур. Все это необходимо в первую очередь для поиска эффективных инструментов мониторинга земельных рынков и охраны земельных ресурсов, в основном категорий земель сельскохозяйственного назначения и особо охраняемых природных территорий.

Факторы и предпосылки территориальных преобразований: самозахват и самострой

Еще задолго до начала становления земельного рынка и появления права на частную собственность в России были широко распространены явления самозахвата земель, огораживания территории и самостроя. Изучение подобных форм присвоения территории и их институциональных причин раскрываются в исторических и социологических работах как противостояние фундаментальному вектору воздействия власти в любом ее проявлении и практики сопротивления ей (Бедаш, 2014; De Certeau, 1984). И хотя социология явления самозахватов акцентирует внимание на общественном аспекте, анализируя логику организации жизни в подобных искусственно создаваемых пространствах, географическая обусловленность данного явления не менее значима. Постепенно случаи огораживания и самостроя в городах утратили свою легитимность. Часть таких построек уже снесена, а территории застраиваются типовыми объектами. Это послужило причиной для возникновения иных проблем институционального характера. При всей легитимности самозахватов, или по принятой юридической терминологии «самовольных построек» (Алексеев, 2012), остается задача их легализации, что предопределило необходимость реформирования законодательства в данных вопросах в более гибкую сторону. В частности, в настоящее время прирезка (увеличение участков) или перераспределение земель разрешены, необходимо только документально подтвердить свои действия. Размер доплаты за увеличение участка составит 15% от кадастровой оценки земли (Бирюков, 2016). Под присоединение обычно попадают участки в тупике, овражистые местности — по негласному объяснению, такое присо-

единение в чем-то спасает территорию от образования на ней стихийных свалок. Самовольно присоединенные участки годами могут числиться закрепленными за собственником, если только он не собирается продавать участок. Хотя административная проверка участков существует, контролирующие органы заметят это только в случае поступления жалобы на собственника или при проведении вблизи участка земельных работ.

Факторы, обусловившие явления самозахватов, определяют географический интерес к проблеме с точки зрения возникновения территориальных структур неформального генезиса, а в последнее время и с позиции их экологической и этической стороны для общества и природы. В сельской местности огороженные территории приватизировались собственниками практически беспрепятственно: дополнительные квадратные метры просто приписывались к уже существующим за небольшое вознаграждение землемеру. Сами по себе подобные факты огораживания территорий не представляют большой опасности, если несколько присвоенных домохозяйствами метров не несут угрозы для существования сельского сообщества и окружающей среды. Тем более если речь идет о фактических нуждах сельского жителя в отгонах для скота или огородах. Гораздо бо́льшие неприятности возникают, когда землепользователь берет на себя смелость огородить участок береговой зоны, тем самым ограничивая возможности свободного доступа к водоему.

Самые характерные и наиболее встречающиеся постройки в прибрежной зоне, в том числе в изучаемых сельских сообществах Прибайкалья, это лодочные гаражи и ангары, которые не представляют особой экологической опасности, однако в местах, где рельеф не позволяет строиться дальше, постепенно происходит эволюция таких построек в жилые сооружения. Подобные вариации гаражного или даже дачного строительства практически на прибрежной полосе — это уже не только нелегальные, но и нелегитимные действия собственника, фактически нарушающего права местных жителей на чистоту жизненного пространства и доступ к источнику воды.

Появление объектов несогласованного строительства (или незаконно оформленных) в местах общего пользования, как и рост целых территориальных структур, становится географической проблемой, решение которой попадает в область институциональных издержек земельного рынка. Кроме очевидных институциональных проблем, связанных с утратой функциональной эффективности территории, здесь очевидна связь с нарушением целостности ландшафта, а следовательно, с областью географии, изучающей культурный ландшафт. В частности, потерю пространства в его культурном контексте отмечает Б.Б. Родоман (Родоман, 2007).

Как показывают исследования земельного рынка в Байкальском регионе, примеры самостроя и узаконенных нелегальных построек множатся. Особенно это касается территорий, расположенных на маломорском побережье озера Байкал, где отмечается строитель-

ство целых коттеджных поселков дачного типа. Легализация этих строений уже не вызывает сомнения, но легитимность их расположения в водоохранной зоне, в том числе непосредственно у первой береговой линии, становится предметом активной общественной дискуссии. Это те издержки земельного рынка, которые являются индикатором его институциональных проблем, напоминая об экстенсивном характере развития на локальном уровне. Такое развитие не дает возможности для формирования ответных действий местных сообществ, не дает укрепить их позиции, или, по мнению М.Я. Рожанского, не дает сформироваться культуре компромисса отношений (Рожанский, 2012). О необходимости институционального подхода в решении данного рода проблем, в частности, проблемы нелегальных построек в пригороде г. Улан-Удэ Республики Бурятия, пишет также А. Бреславский (Бреславский, 2016).

Главным фактором появления неформальных практик самозахвата можно считать директивно установленные институты и ограничения. В отсутствие возможностей установления диалога с властью у социума остаются только нелегальные формы и способы притязаний на пространство. Как правило, легализация этих способов происходит уже после освоения пространства через систему личных связей с органами местного самоуправления. Однако в настоящее время в постлегализации нет необходимости, существуют иные схемы проведения сделок с землей, фактически наследовавшие тем ранним практикам легализации. Изменились и масштабы этих практик, которые по факту обусловливают возникновение целых коттеджных поселков дачного типа на территориях сельскохозяйственных угодий.

Качественные изменения сельского пространства и социума Экономико-географические исследования ставят своей целью обоснование наиболее целесообразных путей использования и закономерного преобразования территории. Об этом упоминал один из основоположников отечественной агрогеографии А.Н. Ракитников (Ракитников, 2003), отмечая важность изучения выработанных практикой местного населения способов хозяйствования. Для трансформаций, связанных с рынком земель, характерно не только возникновение новых территориальных структур, формирующихся в результате застройки земельных участков, но и качественные изменения структуры сельского хозяйства, а также сферы труда и занятости сельского населения. Особенно часто эти процессы наблюдаются на удаленных территориях, где еще острее, чем в пригородных зонах, проявляется экономическое неблагополучие, где сельская местность и сельское хозяйство еще сохраняют свою жизнеспособность (Нефедова, 2012; Каганский, 2012а). Отчасти это инерция планового сельского хозяйства, одним из главных принципов которого являлась система централизованного распределения ресурсов (Мерль, 2017). Схемы поставки кормов и реализации продукции спускались сверху, не давая формироваться рыночной

культуре хозяйствования. Согласно централизованной логистике, даже корма для совхозов Ольхонского района поставляли из Казахстана (Rogova, 2006). Говоря о сельском или фермерском хозяйстве, необходимо отметить, что речь не идет о создании крупных агропромышленных комплексов, они нерентабельны из-за значительного отдаления от больших городов и невысокой пастбищной емкости прибайкальских степей для животноводства. Даже с получением участка земли только малый процент сельских жителей был готов к ведению фермерского хозяйства. В таких условиях появившиеся возможности развития туристической деятельности способствовали новому интересу к земле и, соответственно, повышению ее стоимости. Программы социально-экономического развития муниципальных образований стали включать сферу туризма и рекреации в доходные статьи и стали рекомендовать местным жителям размещать туристов в своих домах. Иными словами, фактически легализовали ту сферу многоукладной сельской экономики, которая уже давно развивалась в разных поселениях на побережье Байкала.

Неутешительным является вывод относительно того, кем становится сельский житель на такой удаленной от крупных городов территории и способен ли он своей домашней гостиницей конкурировать с владельцами крупных турбаз. Кроме того, респонденты часто отмечают, что местные турфирмы или региональные представительства крупных туристических компаний не берут на работу местное население. Искусственно создаваемый дефицит земель на локальном рынке для местных жителей снижает их возможности заработка в рекреационной сфере, которая в условиях практически полного отсутствия сельского хозяйства оказывается единственным средством существования сельских жителей. Доступ к властному ресурсу обеспечивал возможность распоряжаться землеотводами за личную выгоду. Без него для многих оказалось невозможным получить земельные участки: *«Мой муж — коренной житель не смог получить участка. И его братья. И много таких не блатных и не приближенных к мэрам. Земля стала интересна спекулянтам. Когда распродали земли населенных пунктов, ненасытные чиновники стали продавать земли нацпарка»* (Н.Н., местный житель, предприниматель, полевые материалы автора (ПМА), 2019 г.).

В целом массовый спрос на земли обозначился примерно в 2008–2009 годах. Именно тогда наблюдались первые всплески повышения цен на земельные участки и недвижимость в целом на Байкале. Это было связано как с возможностями извлечения земельной ренты с помощью административного ресурса, так и с появлением все большего числа собственников земельных участков при прямых продажах.

Высокий уровень безработицы характерен для ряда сельских местностей, но что касается лиц, официально являющихся безработными, «безработный еще не значит бездельник» — как пра-

вильно подмечено журналистом регионального издания (Мичурина, 2006). Зачастую именно эта категория граждан проявляет высокую активность не только в поисках заработка и средств для жизни, но находит и пробует новые сферы деятельности, которые не характерны для данного поселения и сообщества. Если учесть, что рабочие места предоставляют в основном социальные учреждения и администрация, то есть бюджетная сфера, то для существования поселка необходимо, чтобы все работающие люди получали высокую зарплату, иначе содержать остальное числящееся безработным население просто невозможно. На деле же истинно безработных мало — в основном только категория нетрудоспособных лиц. Остальные выживают и зарабатывают автономным трудом, и их влияние на внутренний рынок рабочего капитала заметно растет. В изучаемых нами сельских сообществах Прибайкалья новая экономическая занятость — это туристско-рекреационная деятельность и сфера услуг. В числе традиционных занятий местных жителей, как основных практик выживания, остается рыбный промысел и личное подсобное хозяйство. Реже представлены крестьянско-фермерские хозяйства животноводческого направления.

Трансформация сельских поселений под влиянием преобразований сельского образа жизни и привнесения элементов новых видов деятельности, в соответствии с которыми изменяется структура и форма поселений на побережье озера Байкал, напоминает процессы субурбанизации, разрастание территорий поселений с параллельным снижением концентрации населения. Особенно сильно такое рассредоточение по территории поселений и за ее пределами проявляют турбазы, стремящиеся, с одной стороны, к автономии, а с другой — нуждающиеся в подключении к ЛЭП, транспортным и коммуникационным линиям.

По факту земли сельскохозяйственного назначения давно начали застраиваться туристическими объектами. На территории только Прибайкальского национального парка еще в 2012 году насчитывалось более 150 туристических баз. Последние имели по документам много фиктивных целевых назначений и числились как пансионаты, детские дома отдыха или базы отдыха разных предприятий. Однако по существу, они представляли собой обычную коммерческую туриндустрию. По сведениям прокуратуры, большинство обращений, связанных с Центральной экологической зоной Байкальской природной территории, касалось нелегальных объектов турбизнеса, от которых не поступали налоговые отчисления в местные администрации (Прокурор.., 2017). Торговля участками особо охраняемых природных территорий фактически не является областью неформальной экономики. В объявлениях о продаже участков в Прибайкалье систематически встречаются такие, где указано назначение категории земель. Продажа земель сельхозназначения под объекты туризма и рекреации лишает территории участков, потенци-

ально предназначенных для сельхозработ или личного подсобного хозяйства.

Застройка обширных участков побережья стала следствием реализации крупных инвестиционных проектов. Большинство проектов развития туризма на Байкале сопровождались отчуждением определенной территории побережья. Это подтверждает и следующий пример с созданием особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (ОЭЗТРТ). Особые экономические зоны получили развитие согласно ФЗ № 116 от 22.07.2005 «Об особых экономических зонах в РФ». Программа по созданию ОЭЗТРТ ставила цель развивать туризм и рекреацию в нескольких регионах страны, в эту программу попала и Иркутская область. В течение ряда лет территория планируемого создания ОЭЗ перемещалась из одного района в другой и каждый раз под нее планировался участок земли в несколько сотен га, разрабатывался проект и техническое обоснование. Начиная с 2006 года проект ОЭЗ кочевал с острова Ольхон в Ольхонском районе области в пгт Листвянка Иркутского района, затем ее утвердили на территории пос. Большое Голоустное. Параллельно с обсуждением территории проектируемой зоны в названных населенных пунктах активизировался рынок недвижимости, начиналась реализация земельных участков с ростом цен на них. К примеру, в пос. Большое Голоустное в 2002 году (когда еще не было речи о создании ОЭЗ) земли по 10–15 соток продавались от 60–80 тыс. руб. В 2008 году стоимость участка в те же 10 соток достигала уже 1,2 млн руб. (Докукина, Арбузова, 2008). Несмотря на высокую стоимость, участки пользовались большим спросом.

В последующем проект ОЭЗТРТ в очередной раз перекочевал на территорию Слюдянского района (несмотря на то что на проектные работы и документацию по проекту в п. Большое Голоустное было затрачено 83 млн руб. из выделенных в целом на проект 8 млрд руб.). Те несколько сотен га, которые были выделены из Голоустненского МО под организацию ОЭЗ, вышли из-под ведения местной администрации, а сам участок степей и болот дельты р. Голоустной — из состава ООПТ «Прибайкальский национальный парк». Согласно постановлению Правительства РФ от 03.02.2007 № 72, территория ОЭЗ была окончательно утверждена в Иркутском районном муниципальном образовании и расширена за счет земельных участков Слюдянского района Иркутской области, получив название ОЭЗТРТ «Ворота Байкала». Был закреплен максимальный размер арендной платы за земельные участки резидентам ОЭЗ, составивший 2% от их кадастровой стоимости в год. Территория, предоставляющая земельные участки, расположена на юго-восточном побережье Байкала у подножия горного хребта Хамар-Дабан, рядом с городом Байкальск, и представляет собой действующий горнолыжный курорт «Гора Соболиная» общей площадью участка 757 га с относительно раз-

витой транспортной и туристической инфраструктурой (Особая Экономическая Зона, 2017).

В настоящее время в пос. Большое Голоустное земельные участки под строительство жилого дома можно купить в среднем по цене 50–55 тыс. руб./сот. Но для местных жителей и такая сумма во многих случаях оказывается неподъемной. В отсутствие рабочих мест в поселке увеличился отток населения, особенно молодежи, в города. При наметившемся дефиците земель для сельской молодежи в поселках практически не выделяется новых участков для строительства. Местные жители выстраиваются в многолетнюю очередь на отведение участка по льготной цене. При этом для строительства дома и организации домашнего хозяйства не подходят участки с ветхими строениями, поскольку предполагают затраты на снос. Для строительства туристических объектов отдают предпочтение возвышенным и прибрежным участкам поселений. Форма территориальных структур поселений, таким образом, приобретает линейный вид, вытянутый вдоль побережья с концентрацией строений и объектов инфраструктуры в береговых зонах. Наиболее востребованные по продажам земель прибрежные участки фактически превращаются в дачные коттеджные поселения с высокой концентрацией строений на их территории. Учитывая, что локальный земельный рынок чрезвычайно насыщен предложениями о продажах земельных участков практически в любом месте побережья озера Байкал, можно прогнозировать дальнейший рост этих структур.

Библиография

Алексеев В.А. (2012). Самовольная постройка и виды недвижимого имущества // Гражданское право. № 6. С. 17-21.

Бедаш Ю. (2014). Власть и пространство как предмет практической философии. URL: http://analitikaru.ru/2014/02/02/vlast-i-prostranstvo-kak-predmet-prakticheskoj-filosofii (дата доступа: 26.01.2017).

Бирюков А. (2016). Расширить границы // Антенна-Телесемь. № 44. С. 74-75.

Бреславский А.С. (2016). Современное общество: территориально-поселенческий аспект // Мир России. № 1. С. 79-102.

Докукина К., Арбузова Е. (2008). Зона отчуждения // Восточно-Сибирская правда. № 25762. URL: http://irkutsk.irbp.ru/page/746/749 (дата доступа: 10.09.2011).

Каганский В.Л. (2012а). Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 23-34.

Каганский В.Л. (2012б). Советское пространство: ландшафтный и экологический аспект // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 5. С. 26-36.

Лёш А. (1959). Географическое размещение хозяйства. М.: Изд-во иностранной литературы.

Мерль Шт. (2017). The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions // Крестьяноведение. Том 2. № 2. С. 53-76.

Мичурина Н. (2006). Ольхонский офшор // Восточно-Сибирская правда. URL: http://www.vsp.ru/show_article.php?id=34795 (дата доступа: 09.11.2016).

Нефёдова Т.Г. (2012). Людям нужна не земля, а работа. Агрохолдинги — спасение России. Зло не в них, а в коррупции // Русский репортер. № 14 (243). URL: https://rusrep.ru/article/2012/04/11/nefedova (дата доступа: 12.05.2012).

Особая Экономическая Зона «Ворота Байкала» (2017) // РОСОЭЗ «Ворота Байкала». URL: http://baikal-sez.ru/tourist (дата доступа: 29.03.2017).

Прокурор: некоторые проблемы прибайкальских территорий — надуманны (2017) // ИА Телеинформ. 16.02.17. URL: http://i38.ru/nedvizhimost-obichnie/prokuror-nekotorie-problemi-pribaykalskich-territoriy-nadumani (дата доступа: 05.05.2017).

Ракитников А.Н. (2003). Избранные труды / Под ред. В.Г. Крючкова. Смоленск: Ойкумена.

Родоман Б.Б. (2002). Поляризованная биосфера: сборник статей. Смоленск: Ойкумена.

Родоман Б.Б. (2007). География, районирование, картоиды: сборник трудов. Смоленск: Ойкумена.

Рожанский М.Я. (2012). Самоуправление без самоорганизации: реформа без реформы // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник научных статей / Под общ. ред. А.М. Никулина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С.129-158.

Трейвиш А.И. (2017). «Осредненный» регион России: идея моделирования с учетом векторов асимметрии // Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды / Отв. редактор В.Н. Стрелецкий. М.: ИП Матушкина И.И. С. 31-41.

De Certeau M. (1984). Walking in the city // The Practice of Every day Life / Trans. by St. Rendall. Berkeley: Regents of University of California Press.

Rogova M.V. (2006). The philosophy of perception regarding the development problem of a region's key economic sector (a case study of the Prebaikalia) // International Journal of Ecodynamics. Vol. 1. № 1. P. 64-71.

Territorial transformation of coastal settlements and their neighborhood

Marina V. Rogova, PhD (Geography), Junior Researcher, Institute of Geography named after V.B. Sochava, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ulan-Batorskaya St, 1, Irkutsk, 664033. E-mail: rogova@irigs.irk.ru

The article considers the rural space transformations determined by the tourist and recreational development. Tourist facilities are usually located either on agricultural lands or in rural settlements, i.e. on the periphery of rural communities — hills or coastal areas. On the most attractive parts of the Lake Baikal coast, in rural communities and their neighborhood, there are new territorial structures developing — cottage settlements. At the same time, there is a reverse process — the increasing abandoned space inside settlements (abandoned houses and houses for sale due to the youth outflow to the city, growing labor migration). The article presents the results of the study of the changing geographical and cultural landscape of the village, of its increasing institutional and environmental challenges. On the agricultural land, there are new tourist and recreational facilities, which leads the multi-structural rural economy to a single recreational path and changes the perception of this trend by the rural population. Before, tourist services constituted only one survival strategy in the multi-structural system, while today the development of the entrepreneur stratum with recreational tasks does not correspond to the existing system of values. This is no longer an integral part of the rural economy; it is a commercial business competing with the rural population. Moreover, tourist sites on the agricultural land have huge institutional costs and support the corrupt system of land relations. The article is based on the field research conducted in rural communities of the Baikal region in 2005–2007 and 2011–2018.

Key words: land grabbing, new territorial structures, multi-structural rural economy, rural transformation, tourism and recreation

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 18-45-030039 "Post-agrarian steppe landscapes of the Republic of Buryatia: Potential, search for compromise between agricultural development and ecosystem, social-economic and environmental consequences".

References

Alekseev V.A. (2012) Samovolnaya postroyka i vidy nedvizhimogo imushchestva [Unauthorized construction and types of real estate]. *Grazhdanskoe pravo*, no 6, pp. 17-21.

Bedash Yu. (2014) *Vlast i prostranstvo kak predmet prakticheskoy filosofii* [Power and space as an object of practical philosophy]. URL: http://analitikaru.ru/2014/02/02/vlast-i-prostranstvo-kak-predmet-prakticheskoj-filosofii.

Biryukov A. (2016) Rasshirit granitsy [To extend the boundaries]. *Antenna-Telesem*, no 44, pp. 74-75.

Breslavsky A.S. (2016) Sovremennoe obshchestvo: territorialno-poselenchesky aspect [Contemporary society: A territorial-settlement aspect]. *Mir Rossii*, no 1, pp. 79-102.

De Certeau M. (1984) Walking in the city. *The Practice of Everyday Life*. Trans. by St. Rendall, Berkeley: Regents of University of California Press.

Dokukina K., Arbuzova E. (2008) Zona otchuzhdeniya [Exclusion area]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*, no 25762. URL: http://irkutsk.irbp.ru/page/746/749.

Kagansky V.L. (2012a) Vnutrennyaya periferiya — novaya rastushchaya zona kulturnogo landshafta Rossii [Inner periphery — a new growing area of the Russian cultural landscape]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*, no 6, pp. 23-34.

Kagansky V.L. (2012b) Sovetskoe prostranstvo: landshaftny i ekologi-chesky aspekt [Soviet space: Landscape and environmental aspects]. *Labirint*, no 5, pp. 26-36.

Lösch A. (1959) *Geograficheskoe razmeshchenie khozyaystva* [The Economics of Location], Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.

Merl S. (2017) The pre-1941 local administration in the Soviet countryside: How effectively it worked, and what rules of political communication followed to prevent peasant rebellions. *Krestyanovedenie*, vol 2, no 2, pp. 53-76.

Michurina N. (2006) *Olkhonsky ofshor* [Olkhonsky offshore]. URL: http://www.vsp.ru/show_article.php?id=34795.

Nefedova T.G. (2012) Lyudyam nuzhna ne zemlya, a rabota. Agrokholdingi — spaseniye Rossii. Zlo ne v nikh, a v korruptsii [People need jobs not land. Agroholdings — the salvation of Russia. It is corruption not them that is evil]. *Russky reporter,* no 14. URL: https://rusrep.ru/article/2012/04/11/nefedova.

Osobaya ekonomicheskaya zona "Vorota Baykala" [Special Economic Zone "Baikal Gate"] (2017) URL: http://baikal-sez.ru/tourist.

Prokuror: nekotorye problemy pribaykalskikh territoriy — nadumanny [Prosecutor: Some problems of the Baikal territories are far-fetched] (2017) URL: http://i38.ru/nedvizhimost-obichnie/prokuror-nekotorie-problemi-pribaykalskich-territoriy-nadumani.

Rakitnikov A.N. (2003) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Pod red. V.G. Kryuchkova, Smolensk: Oykumena.

Rodoman B.B. (2002) *Polyarizovannaya biosfera* [Polarized Biosphere], Smolensk: Oykumena.

Rodoman B.B. (2007) *Geografiya, rayonirovanie, kartoidy* [Geography, Zoning, Cartoids], Smolensk: Oykumena.

Rogova M.V. (2006) The philosophy of perception regarding the development problem of a region's key economic sector (a case study of the Prebaikalia). *International Journal of Ecodynamics*, vol. 1, no 1, pp. 64-71.

Rozhansky M.Ya. (2012) Samoupravlenie bez samoorganizatsii: reforma bez reformy [Self-government without self-organization: Reform without reform]. *Vtoraya Rossiya: differentsiatsiya i samoorganizatsiya.* Pod obshch. red. A.M. Nikulina, Moscow: Izd. dom "Delo", pp. 129-158.

Treivish A.I. (2017) "Osrednenny" region Rossii: ideya modelirovaniya s uchetom vektorov asimmetrii [An "averaged" region of Russia: The idea of modeling with asymmetry vectors]. *Mnogovektornost v razvitii regionov Rossii: resursy, strategii i novye trendy.* Otv. red. V.N. Streletsky, Moscow: IP Matushkina I.I., pp. 31-41.